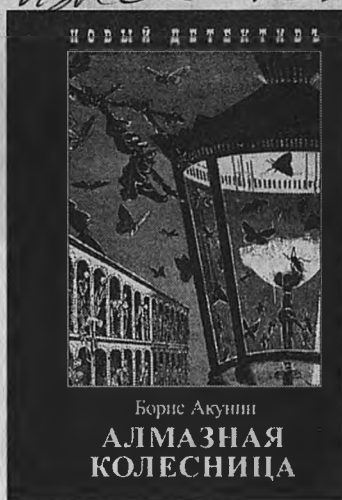

Акунин написал последний роман о Фандорине

Известия 2003 - 17 сеп. - с 13

Романов об Эрасте Фандорине Б. Акунин не сочинял так давно, что только что вышедшую (издательство «Захаров») «Алмазную колесницу» нельзя даже назвать долгожданной — читающая публика просто перестала ждать, уверовав в то, что Б. Акунин может все, даже нарушить издательский договор только потому, что ему больше нечего поведать миру. Томительная мхатовская пауза пошла Акунину на пользу: семисотстраничное чтение, расфасованное по двум томам разных размеров, выгодно отличается от нескольких предыдущих фандоринских историй — они легки, энергичны и читаются почти на раз.

Анна КОВАЛЕВА

Говорят, автора быстрое чтение фандоринских романов несколько расстраивает. Что ж, сам автор настолько не склонен радовать свою аудиторию — пишет редко, немного, на «Алмазную колесницу» с Фандориным и вовсе пригрозил завязать — что мы почти ничем ему не обязаны и имеем право на такое маленькое удовольствие. Тем более что «Алмазная колесница» дает для этого все основания.

Хотя зачин этому роману положен такой, что в первые секунды чтения с последней прямой ты понимаешь: нет, мне этого не выдер-

жать. Десять первых зубодробительных строчек про «день, когда ужасный разгром русского флота у острова Цусима приближался к концу и когда об этом кровавом торжестве японцев проносились по Европе лишь первые, тревожные, глухие вести», увлекательными могут показаться разве что не приходящему в сознание книжному червя или большим любителям истории. Я знаю, такие существуют, сама видела. Но прочие поклонники акунинской прозы ищут в ней другого: красоты слога, напряженности действия, в конце концов — и легкости.

Те, кто преодолевает мимолетный, но осязаемый ужас перед первыми строками, с удивлением обнаруживают: за неудачным началом следует исключительно за-

нимательное продолжение, и все слагаемые успеха проекта «Б. Акунин» имеют место, хотя японская тема в «Алмазной колеснице» не просто остается фактически единственной главной, но торжествует — так же кроваво и беспощадно, как японцы у Цусимы.

Роман поделен на два совершенно разных по объему тома. Бессмысленное, на первый взгляд, деление (том первый — 170, том второй — 540 строк) переполнено художественным и прочим смыслом. В первом томе («Ловец стрелок») — своя интрига: действие происходит в России, Фандорину уже под пятьдесят, японские агенты устраивают революцию в России, взрывают исключительно мастерски поезда, попадают не без усилий Эраста Петровича в руки русской полиции, пишут загадочные письма, с тем, чтобы их тут же сжечь, а самим совершить ритуальное самоубийство (срезать с лица лицо) и исчезнуть из повествования вплоть до последней страницы второго тома. Вместе с ними умирает и сама интрига — похоже, что активное вмешательство Японии в российские дела интересовало Б. Акунина лишь как увертюра к главной теме и главному тому («Между строк»).

А главное здесь — это драматическое пребывание Эраста Фандорина в Японии. Во втором томе Фандорину чуть за двадцать, он только что прибыл в Иокогаму и тут же попал в историю, влюбился, устроил дуэль, завязал отношения с загадочными ниндзя и... И почти

шестьсот страниц второго тома посвящены обстоятельному рассказу о том, как закалялась сталь: су-рово, нельзя не признать, — крови у Акунина лется не меньше, чем в тарантиновском «Убить Билла». Япония на них на всех так действует что ли? Но это общую картину не портит. Даже, как ни странно, украшает: уж больно живописная бойня получается.

Эффект от чтения смазан только одним обстоятельством — той самой последней страницей, на которой появляется захваченный Фандориным японский агент, главный злодей и вредитель. К сложным перипетиям личной жизни Эраста Фандорина мы все уже как-то привыкли. Но появляющийся из ниоткуда сын с сообщением о том, что и погибшая большая любовь Фандорина жива, и дети у него есть, да и вообще «отец, вы можете любить, это вам мама просила передать», отдает таким черным мелодрамматизмом южноамериканских сериалов, что уже даже на иронию не смахивает. Кстати, немало места во втором томе отдано рассуждениям автора, который посредством своих героев объясняет своим читателям значение японского слова «акунин» — плохой, говорит, это человек, негодяй и последний злодей.

Ну в общем я с этим согласна. Уж лучше бы вы Фандорина убили, Григорий Шалвович, чем так погубили — навеки и безвозвратно безупречность собственного литературного проекта.

Революцию 1905 года готовила японская разведка

В 1892 году из Берлина в Санкт-Петербург выехал невысокий плотный господин с «камыковатым лицом» — совсем как у купринского (и акунинского) штабс-капитана Рыбникова. В России он сначала ехал на поезде, затем пересел в коляску, но большую часть своего крайне опасного путешествия проделал верхом. Полковник Генштаба японской императорской армии Ясумаса Фукусима тщательно изучал главный стратегический объект России тех лет — Транссибирскую железнодорожную магистраль. За 488 дней неутомимый и наблюдательный полковник преодолел 14 тысяч километров: объект разведки — расположение русских воинских частей, состояние и пропускные возможности железнодорожного полотна, экономическая и социальная ситуация в прилегающих районах. Данные и аналитические выводы разведчика сыграли неоценимую роль в подготовке Токио к войне с Россией в 1904–05 годах, а сам он вошел в историю как первый герой современного японского шпионажа. Кстати, в 1895–97 годах Фукусима руководил созданием агентурной сети в портах Европы, Ближнего Востока, Африки и прибрежных стран Азии. Именно она через несколько лет помо-

ла безошибочно отследить путь, снаряжение и состояние российского Балтийского флота, который был направлен на Дальний Восток и в мае 1905 года угодил у Цусимы в ловушку. Однако подлинная легенда японской разведки того времени — офицер Генштаба Мотодзиро Акаси: его считают одним из организаторов первой русской революции. С 1901 года в качестве военного атташе в ряде стран Западной Европы он устанавливал контакты с российскими революционными группами. Цель — добиться максимального усиления внутренних врагов империи, чтобы к началу войны на Дальнем Востоке развалить ее тылы. На помощь русским революционерам Акаси получил фантастические деньги — до миллиона золотых иен, то есть более 360 млн долларов сегодня.

В сентябре 1904 года на японские деньги в Париже было проведено первое совещание русских оппозиционных и революционных партий: в нем участвовали лидеры умеренного «Союза освобождения» во главе с Миллюковым и Струве, эсеры Чернов и Натансон, польские, армянские, еврейские, финские, латышские, грузинские националисты. Многие, если верить японским источникам, полу-

чили субсидии от Токио. В мае 1905 года Акаси организует второе совещание в Женеве. Женевская встреча поддержала курс на вооруженное восстание, Акаси закупил в Швейцарии восемь вагонов оружия и боеприпасов. Но к моменту доставки первых партий стало ясно: революция потерпела поражение. В 1906 году в Санкт-Петербурге неожиданно для Токио вышла книга, где в деталях описывались приключения Акаси и его российской агентуры. Японский Генштаб был в шоке: русская контрразведка при содействии коллег из Франции тщательно следила за японской шпионской сетью и не раз срывала ее операции. Однако скандал запоздал: еще в сентябре 1905 года Токио в связи с подписанием мирного договора с Санкт-Петербургом принял решение прекратить финансирование подрывной деятельности в России.

Между двумя странами установились тесные партнерские отношения. Но наработки Фукусимы, Акаси и прочих не пропали: они пригодились Токио в годы гражданской войны в России и соперничества с СССР на Дальнем Востоке вплоть до 1945 года.

Василий ГОЛОВНИН,

ИТАР—ТАСС, специально для «Известий»